

K P I T I K A

Андрей Изюмский

Quo vadis?

/ "Труды и дни монахии" Елена Шварц/

1. Известный народный тезис гласит: "об искусстве и о футболе может судить всякий". Так ли это? Да, это так, когда речь идет о стихах, наподобие "пусть бегут неуклюже...". Но передовой рубеж нынешнего, образца 1985 года, искусства так выдвинулся вперед, по сравнению с обычным бытовым сознанием, что его освоение требует немало внутренней работы. Итак: искусство - это грань между индивидуальным достижением художника и тем слоем общественного сознания, на который он ориентирован. Следовательно, чтобы осмысленно высказаться о художнике, мы обязаны исследовать этот самый слой.

II. Известно, что интерес к духовному поиску в последние годы возрос среди некоторой части советской интеллигенции чрезвычайно. На то, видимо, есть причины - мы не станем их рассматривать. Эйкуменический оттенок так или иначе окрашивает сегодня деятельность любой серьезной религиозной организации, но альтернатива Восток-Запад, так или иначе, становится перед любым, кто встал на путь духовного поиска - лишенный опоры традиционной духовности, этот человек, поневоле, осваивая духовные пространства, быстро минуя одни, обживается в других: уж нам-то никто выбора в этом смысле не наязывает. Поэтесса Елена Шварц в вышеназванном тексте демонстрирует читающей публике вариант движения по пространствам современного вселенского христианства. Этим, для искушенного читателя задаются правила игры: снизу - монастырь,

"где молятся Франциску, Серафиму,
где служат вместе лами, будди, бесы..."

сверху же - бесконечные просторы духа, в сочетании с духовными состояниями и духовными возможностями героини.

III. Здесь надо сказать о методике стихосложения, использованной Е.Шварц, в "Лавинии" - стих этой вещи не обладает заданностью, он развивается в процессе творчества, подобно

имени героини, растекаясь непредсказуемо и, застывая, принимает непредвиденные формы. Автор не меньше нашего поддается увлечению игрой и как-бы идет за вопросом - что дальше?

"Слова копытами стучат. В средине дров
Расколется пылающее сердце.
Как машут крыльями, свистят
Ночные демоны, мои единоверцы.

Вот я бегу средь огненных трибун
Подстриженной лужайкой к небосклону,
И ставят зрителям в сияньи и дыму,
Что упаду - один к миллиону.

И бег ее, как вечер, догоняет.

Тут надо отметить три уровня зрительского восприятия автора. Первый /общий план/ - ночные демоны, единоверцы в сиянии и в дыму. На общем плане /выражаясь языком кино/ - Шварц не доверяет зрителям. Оставляя в стороне причины этого недоверия, перейдем к среднему плану -

59.

Стою ли на молитве или сплю -
Лукавый - он не дремлет, он бессонный,-
И шепчет про забытую любовь -
Без имени, без облика, а вспомню.
Как будто бы меж ребер втиснут гроб -
Такой, что он и виден только в лупу,
А в нем - нагая жирная любовь
В твоих ботинках с бородою глупой.
Чуть пошевелится любовь - я вниз
За плечи уложу покойницу уныло -
Лежи, лежи! Ты у меня проснись!
Ты - синяя, ты вся давно остыла.

Здесь автор почти беспристрастен в описании происходящих с героиней процессов. Более того, - "духовное делание" представляется нам со всей убедительностью "дела", тоном терпеливой озабоченности камнётеса.

Мне Аббатиса задала урок —
Чтоб я умом в Ерусалим летела
На вечерю прошанья и любви —
И я помчалась, бросив на пол тело.

14. Ближний план автор приберегает для самого важного:

15

Что делать с жизнью небольшой,
Пришитой к сердцу моему,
Что делать с этой живорослью,
Что пятится, завидев тьму?
Зачем, Творец, ее в меня сослали?

Такова, вкратце, пропозиция:

2

Слышу — как душа моя дышит.
Дышит и в вас, коли не задушили,
Воздух ее иной.
В легких ее — изумрудный мех,
Голубая эфирная кровь....

Надо сразу заметить, что автор решительно чужд сентиментов и это поддерживает драматическое напряжение: под бдительным оком автора, героиня развертывает свой духовный, — во всем героическом многообразии, — мир, передав ангелам дело защиты. И их голоса, сливаясь, образуют некое мистическое единство, проникая в читателя сразу со многих сторон. В этом умении обложить читателя и кроется "секрет успеха" Е.Шварц, сами тексты которой вряд ли так уж доступны нашему массовому потребителю в его нынешнем состоянии. Судя по всему, эта композиция оказалась поворотной в собственном пути поэтессы.

У. Несмотря на уверение ^{Не} "издатели" в бессознательности и спонтанности притязательных наблюдений простодушно верующей сестры Лавинии, мы находим среди ее медитативных сочинений следующее:

Ангелов дело такое —
Им бы только плясать,
А наше дело другое —
Стариться и умирать.
Ангелы знают — кроме
Радости — нет ничего
А мы разлиты в кувшины,
Как разное вроде вино.
Я знаю — о Господи Боже! —
Что мучусь я оттого,
Что ты не сумел ничего другого
Создать из ~~именившимся~~ себя самого.

Если утешительной формулой в суфийской традиции служит ссылка на Сотворение порока, то здесь /памятая, что "мир — только сон Творца"/ границы личного религиозного гноиса превышут много дальше. Ведь при ближайшем рассмотрении на самом деле кажется подозрительным необъяснимое попустительство Всевышнего столь дерзкому разложению своих чад.

Бытие чад сих описано также совершенно достоверно, причем неодушевленное отсюда видится одушевленным и говорит языками:

37. Чудище.

Я — город, я — крошечный город
Великой Империи. Остров
В зеленых полях винограда...

Враги приближались, влажной —
И грязной блестя чешуей —
Отдайте нам Чудище в башне
И более ничего!
И тут была страшная битва
И дым и грохот — и снова
Наш город тихий
Живет задумчивой жизнью,
Похожий с высот на гвоздику,

Империи остров великой
И перипатетики - духи
Гуляют в прохладных аллеях
И чуткое чудище в башне
Их слушает странные речи.

Заметьте, с какой истинно женской терпимостью изображены враждующие объекты.

У1. ..Мне душа покойного садилась
Прямо на страницы и шумела,
Все она ругая ругала тело:
А покойник супился печально.
Что же ты со мной, душою, сделал?
Ты же Будда! Ты же мог быть Буддой!
Он не Будда!" - мне она кричала.
"Ты меня глушил вином, работой,
Болтовней и грязною любовью" ...
А покойник супился печально.
Он лежал небритый, очень острый,
С белой розой бумажной в кармашке.

УП. Тут-то аккурат пришла пора помянуть Александра Сергеича:

Читатель ждет уж рифмы розы:
Так на ж, возьми ее скорей!

Конечно, лирики не бывают без исповеди, а исповедь без греха - бессмысленна. В каких же грехах каётся сестра Лавиния?

25.

Как ляжешь на ночь не молясь - то вдруг
приляжет рядом бес - как бы супруг...

Замечательно для начала! Ну! - восклицаем мы вместе с калифом Вени Ерофеева - когда, наконец, настанет день и поработенная женщина Востока сбросит паранджу! ?!

И тело все дрожит, томлением светясь,
И в полуслоне с инкубом вступившиесь в связь.

Нам уже кажется, что именно на этом, 25-ом по счету, стихе,

наступила кульминация поэмы:

Он шепчет на ухо так ласково слова:
Что плотская любовь по-своему права,
И даже я - холодный древний змей -
Блаженство ангельское обретаю в ней.

Вот оно! Вот драгоценное признание! Но погодите: ведь это
змей, змей признается?

Тут просыпаешься и крестишься
- в окне
Мелькнуло что-то темное к Луне.
И ты останешься лежать в оцепенении,
Как рыба снулая - в тоске и унижении.

Да-а, многое это не составит, господин учитель.

УШ.

Вы ловитесь на том же, что и все:
Вино, амур, ням-ням, немного славы,
Не надо вам изысканной отравы,
Вы душу отдаете как во сне ...

Прямая речь, в данном случае, отдана старому чёрту. И опять
как словно все они уживаются, без злобы, без принципов.

"Ты можешь!" - Сила распевала -
Ну, в первый и последний раз!"
Он поднял руки и потряс,
С них жизнь упала.

Как пред рассветом неба склянь
Он белый был, как после тифа,
Он прокричал: Тавифа, встань!
О встань, Тавифа!

Настоящая исповедь ожидает нас не в № 25, но в № 47, хотя и
в № 47 еще не кульминация.

Снятся мне до сих пор светские сны,
Грешным делом - даже постом
Вот сегодня - будто бы на бегах
Ставлю на лошадь по кличке "Потом"...

Стихи не поддаются переводу. Умение входить в стиховую ткань, воссоздавать непременно все детали, тон, его оттенки, держать в душе не образы, но образ, достраивая его постепенно и обязательно непрерывно, наделять чужие слова своим доверием, обретая в этом новый опыт — вот азы читательского мастерства. Это вам скажет и Станиславский: "Миша! Вы же играете старушку!"

Поэтическая правда незаметно подделалась просто правдой. Нет больше сцены и кулис.

Настоящая исповедь в № 47 поразит нас, если мы имеем хоть какое-нибудь представление о духовной жизни вообще:

... О Боге я думала — где Он — бродит по двору,
Вдоль стены кирпичной, ворот.
То к дереву никла, то к нутру.
И когда Он меня позовет.
Что он ~~шишши~~ мне ближе отца, сестры,
Но не бренного моего ребра.
Все искала я слова — интимней чем "ты"
И чуть-чуть чужее, чем "я".

Последние две строчки ставят, не решая, проблему недостаточности языка даже в приграничных с духом территориях. Решить же проблему представляется нам, согласно нашему разумению. Движение от противного, не от чувства к слову, но наоборот.

14. Мы специально не вдаемся в частности, составляющие прелест и неповторимость этой вещи. Но вспоминаем чертиков в бутылках, монастырскую киску, дурочка, подружку-дурнушку, братца Льва. Опускаем монастырские радости, водяные прозрения поста и скромный пасхальный разврат. Все это в свое время обрадует российского читателя, когда в нем достанет благородства и СИЛЫ.

Нам же пора вместе с поэмой подойти к апогею, кульминации, коде и завязке сюжета в № 79 и последнем:

Куда вы, сестры, тащите меня?
Да еще за руки и за ноги?
Ну пусть я напилась, была пьяна....
Но раскачали и швырнули в ров...

Здесь бы всему и кончиться, а оно только началось. Давно
не секрет, что путь измеряется не километрами.

... Встаю я с Солнцем и водице пью,
И с птицами пою Франциску, Деве,
И в темный полый Крест встаю...

... Текут века - я их забыла,
И проросла травой-осокой,
Живой и вставшую могилой
Лечу пред Богом одиноко.

Куда же летишь ты, сестра Лавиния?
